

**СПЕЦИФИКА СИБИРСКОГО СОЦИУМА И ФОРМИРОВАНИЕ
САМОСОЗНАНИЯ СИБИРЯКОВ /
SPECIFIC CHARACTER OF SIBERIAN SOCIETY AND
FORMATION OF THE SIBERIANS' SELF-CONSCIOUSNESS**

Серия «История»
2012. № 2 (3), ч. 1. С. 180–184
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 9(С18)

**Роль азиатского компонента
в формировании сибирской самобытности**

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье рассматриваются особенности сибирского населения, сформировавшиеся в результате взаимодействия западной и азиатской цивилизаций на базе русской культуры и ментальности.

Ключевые слова: сибирская самобытность, сибиряки, китайская культура, западное и восточное влияние, Европейская Россия.

Проблема роли и места России на стыке европейской и восточной цивилизаций, особого евроазиатского ее пути развития является одной из центральных в российской исторической и философской мысли XIX и XX столетий. Заметно слабее подвергалось осмыслению место самой Сибири как связующего звена между Россией Европейской и Азиатской. Отношения к сибирским окраинам даже среди самих сибиряков было полярным: от представления, что «Сибирь – та же Русь» до абсолютизации «самобытности» Сибири и формировании здесь особой «русско-сибирской народности».

Естественно, региональные особенности Сибири не могли не сказаться на характере и менталитете сибирского населения. Местоположение Сибири на северо-востоке Азиатского континента, природные факторы и ресурсы, культурно-исторические традиции коренного населения края и сопредельных территорий не могли не определить специфику русского заселения края и привести к появлению здесь сибиряка как человека иной социально-психологической ментальности и характера, чем жителя Европейской России. «...Житель Европейской России зовет сибиряка сибиряком, – писал известный российский публицист Н. В. Щелгунов, – а сибиряк зовет его человеком «русским», не только потому, что предполагает географическое различие, но еще и потому, что эти края при кажущемся внешнем сходстве, имеют громадное экономическое различие и совершенно иной сословный строй... Из американца географическое положение страны создало же человека иной наружности и другого характера, чем англичанин, от которого он произошел;

такое же различие должно быть между русским и сибиряком» [5, с. 37–38]. При этом именно сибирские старожилы считали себя настоящими русскими, а на выходцев из России смотрели с пренебрежением, сомневаясь в их русской национальности.

Российскую власть настораживал независимый, прагматичный характер сибиряка, наличие у него «вроде американского склада ума», пугало пренебрежительное отношение к переселенцам – «лапотникам» и «навозным» чиновникам из Европейской России. Расхожим было мнение, что сибиряк – старожил в значительной степени утратил присущие российскому крестьянству нравственные ценности, огрубел, растерял многое из российских традиций и народной культуры. Реальный образ сибиряка был весьма далек от того идеала достопочтенного, патриархального и богобоязненного российского крестьянина, который усиленно пропагандировался идеологами «официальной народности». «Сибиряк, – утверждал крупный российский чиновник конца XIX в. А. Н. Куломзин, – забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутой зауральской жизнью, перестал считать себя «русским человеком» [2, с. 73–74]. Действительно, частые контакты с инородцами, смешанные браки, которых особенно много было в начальный период освоения Сибири, нередко содействовали некоторой культурной ассимиляции пришлого населения края, приводили порой к «обьякучиванию» русского населения. Наиболее часто подобные ситуации возникали в отдаленных северных районах Сибири, где тяжелые природные и климатические условия наряду с малочисленностью русских приводили к частичной утрате ими своего бытового уклада и к большей восприимчивости культуры и языка местного населения. В тоже время были и обратные примеры, когда компактные территориальные объединения русских старожилов успешно противостояли стиранию этнических граней и в течение длительного времени сохраняли чистоту и самобытность языка и культуры. Вспомним хотя бы «семейских» Забайкалья и жителей Русского Устья.

О формировании в Сибири нового самобытного населения, которое А. П. Шапов определял как «русско-сибирская народность», много писали идеологи сибирского областничества. Собственно, их акценты на местном колорите, гиперболизация самобытности Сибири и сибиряков определялись общей программой областничества, вытекали из нее. По мнению наиболее радикальных из них, русские в Сибири постепенно теряли свою культуру, и все более становились азиатскими русскими. В тоже время, они также подчеркивали разительный контраст в поведении и культуре сибиряка и великоросса. Причем те качества, которые российские политики и публицисты рассматривали как несовершенство и недостаток сибиряков, в оценке областников воспринимались достоинством и неоспоримым доказательством их особого пути развития.

Следует отметить, что уровень взаимодействия и погружения в культуру русского старожильческого и коренного населения Сибири во многом зависел от темпов колонизационного движения. На раннем этапе, когда русского населения в крае было еще мало, переселенцы более активно воспринимали

особенности сибирской действительности, и воздействие Азии было заметнее ощутимо. В начале XX в., особенно в годы Столыпинской реформы, выходцы из России составляли уже абсолютное большинство сибиряков. Они были более консервативны в сохранении и ретрансляции своего языка, традиций, культуры. Украинцы, белорусы, поляки, евреи сохраняли и оберегали свой этно-культурный мир и религию от сибирской ассимиляции.

С другой стороны, русское население Сибири испытывало сильное влияние восточной культуры, прежде всего китайской. Еще П. А. Словцов в свое время отмечал, что «история сибирская есть добавка к Русской, равно как сама Сибирь представляет...дверь в Азию и Америку». Притом такую дверь, которая уже открыта широко. И не только для выхода, но и для входа. Несмотря на то, что сибиряки имели довольно смутное представление о многообразии духовно-нравственных представлений и образов восточной культуры, на бытовом уровне они активно проникали в их образ жизни. Так, еще в начале XVIII в. И. Георги отмечал в иркутских домах «китайский вкус», выразившийся в обилии китайских ваз и посуды, статуэток, картин и других бытовых вещей. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели повсеместное употребление. В Иркутске и городах Забайкалья из китайских товаров легко можно было найти бархат, шелк-сырец, китайку (хлопчатобумажная ткань), сученный шелк, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и некоторую мелочь. У многих купцов и мещан мебель, посуда и другие домашние вещи так же были китайскими.

Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. И. Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет. До 1777 г. иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая. В Иркутске звучала речь на китайском, монгольском, японском языках, а среди горожан было немало людей побывавших в Китае или связанных с русско-китайской торговлей. В еще большем масштабе влияние Китая ощущалось в городском быту Забайкалья, особенно в Кяхте и Троицкосавске. Так, в кяхтинской торговой слободе составной частью домашнего обихода были частые встречи с китайскими торговцами, совместные обеды и переговоры, постоянно звучал китайский язык. Жизнь кяхтинцев была неразрывно связана с китайским торговым поселением Маймачен, расположенным с другой стороны государственной границы. Постоянные и взаимные общения приводили к тому, что китайская бытовая культура и традиции постепенно проникали в повседневную жизнь купцов и мещан Троицкосавска.

Даже в деревянном декоре городов Байкальской Сибири явно проступает причудливый восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей. В растительном и геометрическом орнаменте отчетливо

просматриваются стреловидные узоры, остроконечные звезды и завитки, похожие на бараньи рога. На некоторых деталях деревянных украшений домов можно разглядеть фигурки львов, стоящих на задних лапах. Образы Востока, сошедшие с китайских рисунков и миниатюр, нередко входили в повседневную жизнь, создавая причудливый сплав стилей и архитектурных элементов. Так, иркутский краевед начала XIX в. А. И. Лосев отмечал, что в городе «в садах искусством устроенных амфитеатров и бельведеров не имеется, а беседки в употреблении более китайского вкуса (какие в городе Кантоне) с чертежей и китайских картин» [4, с. 178].

В целом надо признать, что уровень и глубина восприятия азиатской культуры была невелика. Главным образом, как отмечено выше, взаимопроникновение осуществлялось на самом простом бытовом уровне. Впрочем, иногда степень воздействия восточной цивилизации на конкретного человека была более существенной. Среди сибиряков порой появлялись подлинные знатоки китайского и монгольского языка, истории и культуры сопредельных территорий. Такие люди становились настоящими специалистами и исследователями Востока, а иногда и ревнителями азиатской культуры и менталитета. Так, иркутский историк, географ, статистик А. И. Лосев проявлял серьезный интерес к народам региона, причем не только к их хозяйству и быту, но и к духовным представлениям. Он одним из первых обратил внимание на основы буддистского учения в его ламаистской интерпретации, дав развернутый очерк религиозных воззрений монголов и восточных бурят. Иркутский купец Ф. И. Щегорин, длительное время находившийся в Китае, стал одним из признанных знатоков экономики и политики этого государства, одним из первых ревнителей конфуцианской политической модели в России. Записки и проекты иркутянина, во многом противоречивые и спорные, являются все же определенным показателем возросшего политического сознания формирующейся российской буржуазии, стремившейся к расширению внешнеторговых связей, к более устойчивой и сбалансированной экономике [3, с. 75–77]. Интересны они и с точки зрения характеристики культурного уровня купеческой среды, лучших представителей которой с полным правом можно отнести к демократической интеллигенции.

Таким образом, формирование Азиатской России содействовало не только оформлению географических и политических границ Сибири, но и возникновению особой социо-культурной и экономической среды, зачастую выходящей за пределы сибирского пространства. Здесь, на восточных рубежах России значительную роль играли ассимиляционные процессы, прежде всего в культурно-бытовой среде. Именно это взаимодействие западной и азиатской цивилизаций и привело к формированию особых психологических и культурных характеристик сибирского населения. Но базой этого формирования была все же русская культура и ментальность.

Что же касается до соотношения западного и восточного влияния, роли и значения культурных традиций этих двух великих цивилизаций, то и сейчас справедливы слова Ф. М. Достоевский, что «вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существует в виде какого-то привес-

ка, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Справедливо считая такое пренебрежительное отношение Центра к своей сибирской окраине, совершенно недопустимым, он пророчески писал далее: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии.... Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то, и есть наш главный исход» [1, с. 33].

1. *Достоевский Ф. М.* Полн. Собр. Соч. : в 30 т. Л., 1984.
2. *Куломзин А. Н.* Потребности начального образования в Сибири. СПб., 1898.
3. *Шахеров В. П.* «Расстроен, разорен, унижен...». Судьба иркутского купца Федора Щегорина // *Родина*. 2012. № 8.
4. *Резун Д. Я.* К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. // *Русские Сибири: культура, обычаи, обряды*. Новосибирск, 1998.
5. *Русское слово*. 1863. № 9.

Role of Asian Component in the Formation of Siberian Identity

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers the Siberian inhabitants' traits that were formed by the result of interaction between Western and Asian civilizations on the basis of Russian culture and mentality.

Key words: Siberian identity, the Siberians, Chinese culture, western and Asian influence, European Russia.

Шахеров Вадим Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, 8(3952)240522, e-mail: wodalish@yandex.ru

Shaherov Vadim Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, 8(3952)240522, e-mail: wodalish@yandex.ru